АЛЕКСАНДР СОКОЛОВ

ПРЕДАННЫЕ РОССИИ

НЕРУССКИЕ 2

ИНОЗЕМЦЫ НА СЛУЖБЕ РОССИЙСКОМУ ТРОНУ

РУССКИЕ 2

Александр Соколов

Преданные России. Нерусские русские – 2. Иноземцы на службе российскому трону

«Центрполиграф»
2024

УДК 94(470.23-25)
ББК 63.3

Соколов А. Р.

Преданные России. Нерусские русские – 2. Иноземцы на службе российскому трону / А. Р. Соколов — «Центрполиграф», 2024

ISBN 978-5-227-09967-9

Александр Соколов вновь обращается к теме нерусских русских. В предыдущей работе он рассказал о преданном служении нашему отечеству иноземных представителей семьи Романовых. В этой речь пойдет об иностранцах, которые своим гением и талантами самозабвенно служили России и ее славе. Именно в нашей стране они реализовывались как военачальники, ученые, художники, но не переставали от этого быть немцами, англичанами, французами... Уникальные черты национального менталитета, накладываясь на российскую реальность, зачастую порождали конфликты, но, одновременно, делали эту реальность ярче и богаче. Россия меняла этих людей, но и они меняли Россию тоже. Россия всегда умела учиться и стремилась впитывать все лучшее из других цивилизаций, не теряя своего уникального лица, культуры, духовности. Персонажей для книги автор подбирал, исходя из тем, которые ранее становились предметом его исследований, стремясь вернуть из небытия полузабытые имена, или, наоборот, показать в новом ракурсе фигуры, казалось бы, давно уже известные. Нас ждут рассказы о любимце Одессы Эммануиле де Ришельё, капитан-командоре Витусе Беринге, блестящем скульпторе Карле Растрелли, генерал-фельдмаршале Бурхарде Минихе, друге и сподвижнике российского самодержца Петра I — Франце Лефорте... В формате PDF A4 сохранен издательский макет книги.

УДК 94(470.23-25)
ББК 63.3

ISBN 978-5-227-09967-9

© Соколов А. Р., 2024
© Центрполиграф, 2024

Содержание

Вступление 8
Вернейший друг царя-реформатора 9
Конец ознакомительного фрагмента. 25

Александр Соколов
Преданные России. Нерусские русские 2. Иноземцы на службе российскому трону

Москва
ЦЕНТРПОЛИГРАФ

© Соколов А.Р., 2024
© Художественное оформление, «Центрполиграф», 2024
© «Центрполиграф», 2024

Вступление

«На ловлю счастья и чинов заброшен к нам по воле рока…»

Так в стихотворении «На смерть поэта» Михаил Юрьевич Лермонтов припечатал убившего Пушкина Жоржа Дантеса…

Эта хрестоматийная строка из хрестоматийного стихотворения стала для многих историков и публицистов отправной точкой к рассуждениям о роли, которую сыграли в нашей истории подвизавшиеся на русской военной и гражданской службе иностранцы.

При этом как-то упускался важный и знаковый момент. Сам Михаил Лермонтов представлял род, генеалогия которого шла от поступившего на исходе Смутного времени на русскую службу шотландского наемника Джорджа Лермонта. Поступил он, кстати, не совсем по доброй воле, а после того как в 1613 году не смог удержать для польского короля осажденную Дмитрием Пожарским крепость Белую. И тем не менее лояльность Лермонта России сомнений не вызывала, а сам он погиб через 20 лет смертью храбрых во время Смоленской кампании против поляков.

С «нашим всё» тоже, кстати, все не так просто. Конечно, Пушкины считались именно древним русским родом, но и здесь у корней генеалогического древа стоял некий боярин Ратша, выехавший в XII веке «из немец». А прадед поэта – вообще чернокожий африканец, «арап Петра Великого» Абрам Ганнибал, дослужившийся в русской армии до звания генерал-аншефа (выше был только фельдмаршал и стоявший вне «Табели о рангах» генералиссимус).

С учетом этих фактов возникает вопрос: в каком поколении нерусский становится русским, и не может ли очередной «ловец счастья и чинов» проникнуться нашей славой, нашими понятиями и менталитетом уже в первом поколении, а ни в своих детях или внуках?

Вероятно, может. Но это еще не значит, что, проникнувшись, он станет русским. И, в общем, не стоит в связи с этим высказывать нашим героям свои соболезнования. Почти все они прибыли в Россию, строго говоря, не за счастьем и чинами, а за возможностью самореализации. И Россия такие возможности им предоставила.

Именно в нашей стране они реализовывались как военачальники, ученые, художники, администраторы, но не переставали от этого быть немцами, англичанами, французами, итальянцами. Уникальные черты национального менталитета, накладываясь на российскую реальность, зачастую порождали конфликты, но, одновременно, делали эту реальность ярче и богаче.

Встречаются в галерее наших персонажей и особые случаи. Японец Кодаю попал в Россию по воле стихии, но в результате оказался одним из тех, кто начал строить мост между двумя великими нациями. В последнем персонаже книги, Радко-Дмитриеве, преобладающим является мотив жертвенности и особого отношения к России, как к своего рода цивилизационно-культурному светочу. С большим или меньшим успехом пытались использовать нашу страну для продвижения собственных национальных комбинаций мальтиец Литта или «финский швед» Армфельт. И просто не вписался в российские реалии Джон Поль Джонс – «отец» американского военно-морского флота.

Историческое полотно не пишется только двумя цветами – черным и белым – так что и феномен пребывания иностранцев на русской службе допускает широчайший диапазон мотивов, тайных расчетов и сценариев поведения.

Своими делами герои этой книги обеспечивали диалог, взаимодействие и взаимообогащение различных культур и народов. Россия меняла этих людей, но и они меняли Россию тоже.

Вернейший друг царя-реформатора

На рубеже XVII–XVIII веков, в период глобальных преобразований в государстве Российском, средь сонма политических деятелей, в разной степени сочетающих природную одаренность с пороками, не затерялась фигура Франца Лефорта.

Российский менталитет того времени, обремененный консервативными взглядами, незыблемыми традициями и скептическим отношением ко всему новому, порождал недоверие в отношении иноземцев, в особенности тех, что вращались вблизи государя.

Лефорт – хорошая иллюстрация того, в какой степени это недоверие являлось обоснованным и как оно било по самому объекту.

Родился будущий друг и сподвижник российского самодержца 2 января 1656 года в Женеве в семье потомственных итальянских негоциантов. Его прадед Жан Антуан Лиффорти, уроженец города Кони (Кунео) в Пьемонте, перебрался в Женеву, где занялся коммерцией и в 1565 году получил официальный статус гражданина свободного города.

Представители древнего и уважаемого рода Лиффорти из поколения в поколение вели оживленную торговлю с Амстердамом, Марселем, Франкфуртом-на-Майне, Лионом и другими крупными городами, одновременно занимая почетные должности в системе городского самоуправления независимой Женевы. В стремлении упрочить свое положение в высшем свете досточтимые отпрыски семейства сочетались браком исключительно с представителями знатных и богатых фамилий. Дабы семейное дело не пошло на спад, глава династии с раннего возраста прививал своим детям любовь к профессии, обучая их тонкостям непростого ремесла. По достижении совершеннолетия сыновья Лиффорти пошли по стопам отца, развернув активную москательную торговлю не только в Женеве, но и далеко за ее пределами. Основополагающие принципы мирового рынка диктовали свои условия и требования, вплоть до «визитной карточки продавца». В этой связи братья Лиффорти, вопреки протестам отца, решили слегка подкорректировать свою древнюю фамилию, как им казалось, на более благозвучную, отвечающую реалиям текущего момента. С той поры потомки всемирно известного торгового дома стали именовать себя на французский манер Лефортами.

Внук Жана Антуана – Яков Лефорт, состоявший в браке с дочерью бургомистра, воспитывал семерых сыновей в духе семейных традиций, мечтая подготовить себе достойную смену. Дети чтили отца, беспрекословно подчиняясь его воле. Каждый из них послушно следовал поставленной перед ним цели, за исключением самого младшего – Франца.

До четырнадцати лет мальчик проходил обучение в Женевском коллегиуме. Получив блестящее образование, Франц не слишком тяготел к занятию торговлей. Природа наградила его недюжинной силой, высоким ростом, атлетическим телосложением и аристократической статью. Юноша мечтал о подвигах и приключениях, но, не смея перечить отцу, был вынужден отправиться в Марсель к давнему другу семьи Лефортов – купцу, имевшему свое торговое дело, дабы на практике овладеть азами коммерции. Через некоторое время, с головой погрязнув в утомительной и скучной бухгалтерии, молодой человек окончательно определился с выбором, решив посвятить себя военной карьере.

Не испросив соизволения родителя, Лефорт покинул своего наставника, поступив на службу в крепостной гарнизон города Марселя, где несколько месяцев прослужил солдатом. Узнав о самовольстве сына, разгневанный Яков вызвал его в Женеву. Не смея перечить воле отца, Франц был вынужден вернуться домой и заняться торговлей под контролем главы семейства и старших братьев. Но дух его не смирился…

В декабре 1673 года в Женеву с официальным визитом прибыл младший сын герцога Курляндского Фридриха-Казимира Карл-Яков, так же, как и Франц Лефорт, мечтавший о

карьере военного. Единство взглядов и схожесть характеров способствовали сближению двух молодых людей. Узнав сокровенную мечту женевца, принц предложил ему на выбор следовать вместе с ним в Польшу, чтобы вступить в ряды тамошней армии, либо отправляться в Голландию, дабы встать под знамена его старшего брата, наследного герцога Курляндского, противостоявшего французской армии.

Франц знал, что на поддержку со стороны семьи рассчитывать бессмысленно, но он не мог предвидеть масштабов противостояния. Помимо отца и братьев, на него обрушился гнев всей женевской общины. Дело в том, что законодательством свободного города для всех граждан был установлен строгий запрет на воинскую службу в иноземных войсках. Однако решение Франца Лефорта осталось непоколебимо, и он твердо решил отправиться в Голландию. Отец, скрепя сердце отсчитал ему на дорогу мизерные путевые в размере 60 гульденов, при этом отказав в каких-либо рекомендательных письмах.

16 августа 1674 года Лефорт благополучно добрался до Амстердама, откуда отправился в Гаагу, где по рекомендации принца его приняли в свиту герцога Курляндского Фридриха-Казимира. Между тем напряжение между Нидерландами и Францией переросло в вооруженный конфликт. Лефорт неоднократно принимал активное участие в боевых действиях, например, при штурме цитадели Граве на Маасе героически сражался в первых рядах. Когда длительная осада закончилась полной победой голландцев, за проявленную храбрость Лефорту был предоставлен краткосрочный отпуск.

В Амстердаме его ждали трагические известия. Старший брат Ами сообщил Лефорту о скоропостижной кончине отца. Несмотря на смелый, волевой характер, Франц был очень впечатлительным юношей и в любых негативных событиях искал Промысел Божий, обращая вину исключительно на себя. И в данном случае именно себя считал ответственным за смерть родителя, считая причиной трагедии свою непокорность и своеволие. Моральное самобичевание постепенно переходило в фобию – когда Лефорт долго не получал писем из дома, в душу начинали закрадываться смутные сомнения, связанные с очередными обидами родственников на него, а поиски причин погружали его в глубокую депрессию и уныние.

Ф.Я. Лефорт

Не получив своей доли наследства после безвременно усопшего отца, перспектив в дальнейшем прохождении службы в свите герцога Курляндского он тоже не видел.

Франц стал подумывать, чтобы вернуться в Женеву и приобщиться к семейным торговым делам. Но мечты о славе победили, и он отправился в Нимвеген, где проходили мирные переговоры.

Находившийся там уполномоченный голландского правительства ван Фростен посоветовал юноше испытать свои силы на службе у российского царя в далекой Московии. Лефорт согласился. Необходимую сумму на дорогу ему ссудил амстердамский купец Турон, давний знакомец покойного отца. Получив от ван Фростена капитанский чин, Франц Лефорт вместе с другими искателями лучшей доли отправился в Архангельск.

В северный русский порт этот корабль прибыл 4 сентября 1675 года. Пройдя обязательную процедуру допроса у местного воеводы Федора Полиектовича Нарышкина (родного дяди царицы Натальи Кирилловны), потенциальных рекрутов определили на постой до особого распоряжения царя Алексея Михайловича. Лефорту и четырнадцати его товарищам выдавали полтину в сутки – три с половиной копейки на человека.

Здесь Франц познакомился с итальянским негоциантом Гуаскони, часто наведывавшимся в Архангельск по торговым делам. Войдя в нелегкое положение молодого военного, он одолжил ему немного денег на питание и иные надобности. Когда получили официальное разрешение от царя, тот же Гуаскони ссудил Лефорту еще шестьдесят талеров на дорогу (путь до Москвы иноземцы должны были оплачивать сами).

19 января 1676 года группа военных во главе с ван Фростеном отбыла из Архангельска в Москву. Весь путь занял чуть больше месяца, а в Белокаменной их ждали большие перемены. Скончался царь Алексей Михайлович, и на российский престол взошел его сын от первой жены Марии Ильиничны Милославской – Федор Алексеевич Романов. 26 февраля 1676 года Лефорт с товарищами прибыли в Посольский приказ, где их поименно занесли в книгу заезжих иностранцев. 30 марта группа в полном составе удостоилась аудиенции у государя. После недолгой беседы царь отпустил всех по местам проживания дожидаться окончательного решения. Четвертого апреля государев вердикт о непригодности всех до одного к воинской службе в рядах российской армии буквально шокировал иностранцев, обнадеженных ван Фростеном и потому уверенных в благополучном исходе дела. Тем же указом не прошедшим отбор кандидатам предписывалось в кратчайшие сроки покинуть пределы России.

Удрученные неожиданным печальным известием военные, тем не менее, не собирались так скоро покидать Московию. Не рассчитывая более на протекцию ван Фростена, каждый решил попытать счастья в одиночку.

Следуя царскому указу от 4 октября 1652 года, обязывавшему иностранцев, не принявших православие, селиться в иноверческом поселении за чертой города, истовый кальвинист Лефорт обосновался в Немецкой слободе, расположенной на правом берегу Яузы близ дворцового села Покровского. Там он снова встретил Гуаскони и был им представлен двум влиятельным персонам – полковнику Полю Менезесу и Патрику Гордону, надеясь на протекцию с их стороны.

Вскоре Франц устроился на должность секретаря к датскому резиденту Магнусу Гиое, но, когда тот отбыл на родину, вместе с ним не поехал. Некий полковник Крафойрд, состоявший на российской службе, собирался выдать за Франца свою дочь, но идею этого брака отвергло семейство Лефортов. Мать и старший брат настоятельно требовали, чтобы Франц как можно быстрее покинул пределы этой дикой страны. Лефорт и сам уже начал отчаиваться, что сумеет поймать в России птицу-удачу.

При содействии Гуаскони и полковника Менезеса Франц познакомился с английским посланником в России сэром Гебдоном. С его помощью не позднее августа 1678 года он планировал отправиться в Лондон, а оттуда в Париж. Об этом свидетельствует письмо, написанное им старшему брату Ами Лефорту: «Если Богу будет угодно, вы получите письмо оттуда. Там я найду лучшую службу, нежели здесь. Исполняю ваши приказания».

В ожидании отъезда между послом и женевцем завязались теплые, дружеские отношения. Временами они подолгу беседовали, обсуждая последние новости политики и светской жизни, обедали и вместе ездили на охоту. Франц втайне надеялся при содействии Гебдона поступить на службу в шведскую армию. Этим мечтам не суждено было сбыться. Ввиду нестабильной политической обстановки и во избежание новой войны с Турцией на неопределенное время вводился запрет на выезд за пределы границ государства для всех иноземных солдат и офицеров, находившихся на территории России. Однажды судьба свела Лефорта со вдовой подполковника Сугэ, у которой была на выданье очаровательная дочь Елизавета. Если пер-

вый, несостоявшийся союз с дочерью полковника Крафойрда диктовался, скорее, расчетом, и Лефорт отказался от него без особых терзаний, то к дочери вдовы он испытывал искренние нежные чувства. На сей раз, не обременяя себя испрашиванием официального разрешения от маменьки и старшего брата, Франц смело пошел под венец. Мать Лизоньки, урожденная фон Бокговен, проживала в России с 1648 года. Ее родители – приверженцы Католической церкви, боясь расправы, эмигрировали из Англии во время обострившихся гонений на католиков. По материнской линии супруги, давние приятели Лефорта – Поль Менезес и Патрик Гордон – приходились Елизавете родней, что упрочило положение женевца в глазах иноземной элиты.

Пустив корни в Российской земле, Лефорт проникся чаяниями самой России. В июле 1678 года он обратился в Иноземный приказ с повторной просьбой о принятии на российскую военную службу. Последовал царский указ: «Принять в службу иноземца Франца Лефорта, с чином капитана».

В этом же году Лефорта зачисляют на должность командира роты Киевского гарнизона, входившего в состав корпуса князя Василия Васильевича Голицына. Комендантом Киева назначили новоиспеченного родственника Лефорта – полковника Патрика Гордона.

Почти три года провел Франц Лефорт в военных походах против турок и крымских татар. На поле брани он всегда находился в самой гуще сражений. Жена и теща, которых он вывез в Киев, редко видели его в домашней обстановке.

По окончании военных действий Лефорт вернулся в московскую Немецкую слободу. За доблесть, проявленную в бою, командование удовлетворило его прошение об отпуске на родину с сохранением воинского жалованья. 16 апреля 1682 года блудный сын наконец ступил на родную землю, где не был без малого восемь лет. В своем дневнике 16-летний Людовик Лефорт (старший сын Ами Лефорта) так описывает встречу с дядюшкой: «Франц Лефорт был принят своими родными и соотечественниками, любившими и истинно уважавшими его, самым радушным образом. В беседах своих он представлял картину России, вовсе несогласную с описаниями путешественников. Он старался распространить выгодное понятие об этой стране, утверждая, что там можно составить себе очень хорошую карьеру и возвыситься военною службою. По этой причине он пытался уговорить своих родственников и других отправиться с ним в Россию.

Лефорту было тогда двадцать шесть лет. Все соотечественники заметили в нем большую и выгодную перемену. Он был высокого роста и очень строен. В разговоре являл себя строгим и серьезным, но с друзьями был шутлив и весел. Можно сказать утвердительно, что он наделен от рождения счастливейшими дарами и талантами как тела, так ума и души. Он был отличный ездок и в совершенстве владел оружием. Из лука стрелял с такою необыкновенною силою и с такою непостижимою ловкостью, что превосходил искуснейших и опытнейших татар. О военном ремесле говорил очень разумно, и, можно сказать, по справедливости, что судил о нем как человек испытанный, хотя был младший сын в семействе, которое, конечно, пользовалось почетом, но не имело таких денежных средств, чтобы дать соответствующее его дарованиям воспитание. Что касается его чувств и образа мыслей, то никогда и никто не откажется от признания – что и обнаружится впоследствии – что он имел возвышенную и благородную душу. Он был враг лести и тщеславия. Своему государю был непоколебимо предан во всем, что касалось славы его царствования и счастья подданных, и употреблял все усилия содействовать столь справедливым и благотворным предначертаниям. Во время пребывания на родине Лефорту делаемы были различные предложения многими именитыми чужеземцами, проживавшими в Женеве. Его заверяли, что он найдет достойный круг деятельности или во Франции при швейцарских войсках, или в Германии, или у императора, или в Голландии и в Англии. Влиятельные иностранцы старались отговорить его от службы в России, доказывая, что она не только трудна, но и неблагодарна. И члены его фамилии, родные и знакомые советовали ему ехать или в Германию, или во Францию, или в Англию, или в Нидерланды, где, поступив на военную

службу, он мог бы приобрести значительные выгоды для себя и для своего семейства. На все эти знаки благорасположения Лефорт отвечал, что сердце его лежит к России и благодарность обязывает его посвятить жизнь монарху, от которого получил многие благодеяния. Он питал твердую надежду – и это были его собственные слова – что если Бог сохранит ему здоровье и дарует жизнь, то свет заговорит о нем и он достигнет почетного и выгодного положения».

Дабы предать законность своему статусу, Лефорт выступил с прошением перед Женевским сенатом о выдаче ему официального разрешения на проживание в другом государстве, и его просьбу удовлетворили. В выданном на руки увольнительном свидетельстве Женевской Республики значились место и дата рождения лица, сведения о досточтимых родителях, всевозможные регалии рода и социальный статус с прилагающимися весьма лестными характеристиками.

Перед возвращением в Россию Франц приобрел массу дорогих подарков для своих друзей в Москве. Это было эксклюзивное оружие, инкрустированное золотом и серебром, созданное лучшими мастерами-оружейниками Женевы, славившиеся на весь мир часы и массу других ювелирных диковинок. Остановившись по пути в Гамбурге, он узнал печальную новость о скоропостижной смерти царя Федора Алексеевича. Слухи ползли далеко неутешительные, наводя на впечатлительного Лефорта тоску и уныние. По прибытии в Москву он сразу же отправился в Немецкую слободу, где друзья и знакомые поспешили его разубедить в самых худших прогнозах. Они поведали ему, что в государстве не произошло каких-либо глобальных перемен, его покровитель князь Василий Голицын, занимавший должность главы Посольского приказа, пребывает в добром здравии и в фаворе у государей Иоанна и Петра.

Узнав последние новости, Лефорт незамедлительно отправился к князю, чтобы засвидетельствовать ему свое почтение и доложить о скором прибытии чрезвычайного датского посланника Гильдебрандта фон Горна (давнего знакомого Лефорта), с которым он повстречался по дороге в Москву. Выслушав доклад женевца, Голицын временно назначил его на должность пристава при свите фон Горна.

В то время князья Голицыны занимали высокие посты и пользовались огромным влиянием в верховных органах власти, поэтому дружба с этими политическими колоссами открывала любые двери. С их протекции (но в большей степени благодаря Борису Алексеевичу, назначенному дядькой при юном Петре) карьера Лефорта резко пошла в гору.

29 июня 1683 года в честь именин Петра! ему пожалован чин майора, а уже через два месяца, 29 августа, на именины царя Иоанна V, Лефорт произведен в подполковники. В 27 лет он стал вращаться в таких заоблачных кругах, которые и не снились простому смертному. К тому времени Франц обзавелся собственным домом, где сам принимал почетных гостей: чиновников, дипломатов, негоциантов, захаживали время от времени и князья Голицыны. В Немецкой слободе не стихали звуки музыки и грохот фейерверков.

Наступил 1685 год, и бесконечный праздник порядком утомил и самих гуляк. Настало время возвращаться к делам государственным. От длительного безделья и многочисленных обильных возлияний Лефорт погрузился в глубокую хандру. Бывало, он целыми днями просиживал дома, не показываясь на людях, игнорируя приглашения друзей. Подобные перемены в поведении всеобщего любимца не остались незамеченными, прежде всего для Бориса Алексеевича Голицына. И чтобы хоть как-то привести Лефорта в чувство, князь собрался поставить его во главе конного полка в тысячу сабель и отправить в Казань навести порядок. Но обстоятельства сложились иначе, подполковника Лефорта с батальоном солдат направили в сторону Украины в помощь российским крепостным гарнизонам, страдавшим от участившихся набегов крымских татар. В Кизилевских степях батальону не раз приходилось участвовать в стычках с отрядами степняков. Осенью 1685 года войска получили приказ отступить, и зимой Лефорт был уже в Москве.

Нестабильная обстановка на российских границах требовала принятия радикальных решений.

В мае 1687 года состоялся Первый Крымский поход князя Василия Голицына. В этом походе во главе батальона в 1900 человек в составе 1-й дивизии генерала Венедикта Андреевича Змеева участвовал и Франц Лефорт. Из-за тяжелых климатических условий, вспышек эпидемий, нехватки продовольствия и фуража военная экспедиция закончилась полным провалом. В период боевых действий Лефорт – образец стойкости и мужества, неотлучно находился возле своего командира, тем самым снискав глубокое уважение генерала Змеева.

Неудачный исход Крымской кампании нисколько не отразился на карьере Лефорта. Летом 1687 года по возвращении в Москву князь Василий Голицын представил Лефорта государям и царевне Софье как доблестного героя. Государыня удостоила его денежной премией и произвела в полковники.

В феврале 1689 года состоялся Второй Крымский поход, который так же, как и предыдущий, закончился полным провалом. Вместе со всеми испытал горечь поражения и Франц Лефорт. В Москве же началось открытое противостояние между Петром I и царевной Софьей, закончившееся победой будущего реформатора. Софью отправили в монастырь, Василия Голицына – в ссылку.

Казалось, над близким к ним Лефортом нависли тучи, но гроза прошла стороной. Петру I импонировал образованный чужеземец, в общении с ним он получал ответы порой на самые каверзные вопросы. Молодого государя интересовало практически все, что было связано с заморскими традициями, методами ведения хозяйства, но больший акцент неизменно ставился на принципах государственного устройства и военном деле.

18 февраля по случаю рождения сына государя, Алексея Петровича, Лефорту пожалован чин генерал-майора. Петр все чаще наведывался в Немецкую слободу и останавливался именно у женевца, дом которого превратился в своего рода место паломничества.

Некоторых завсегдатаев не смущало даже отсутствие хозяина: и без него можно было расслабиться, отдохнуть, перекинуться в карты и, конечно же, вкусно отобедать в обществе гостеприимной хозяйки. В 1686 году эту вопиющую простоту Лефорт описывал в одном из писем старшему брату: «Вы высказали мне некоторые упреки по поводу моего хозяйственного быта. Я должен сознаться, что, в известном отношении, вы правы, но поверьте мне, что я не господин и того немногого, что у меня есть, ибо наши князья (бояре), старые и молодые, оказывают мне честь своими более нежели частыми посещениями. Даже когда меня не бывает дома, они не преминут покурить и попить у меня, как будто я и не отлучался. Дом мой очень им нравится, и я не могу сказать по справедливости, что другого, лучше устроенного, здесь нет».

Судя по описаниям, дом Лефорта, хотя и небольшой, по меркам того времени, впечатлял изяществом интерьера: каждая его комната обставлена со вкусом на французский манер. Исторические хроники тех лет свидетельствуют, что царь не слишком жаловал просторные залы дворцов, в них он чувствовал себя неуютно, ему более импонировали небольшие комнатушки с низкими потолками. Но дом Лефорта, который стал для него второй резиденцией, требовал особого подхода, поэтому масштабы и внутреннее убранство строения должны соответствовать статусу лица, пребывавшего в его стенах.

Еще одним немаловажным обстоятельством было то, что в силу своего характера Петр часто любил совмещать приятное с полезным, или наоборот. Часто заседания государственных мужей под председательством царя заканчивались грандиозными попойками.

Вокруг монарха собралась весьма разношерстная компания прихлебателей в количестве 200–300 человек различного социального статуса, звания, уровня интеллекта и национальности. Собирать подобный коллектив в стенах Московского Кремля Петр Алексеевич счел нецелесообразным. Выбор пал на дом Лефорта, а мнением хозяина по этому вопросу никто не поинтересовался. Поскольку строительство нового дома заняло бы немало времени, а поме-

щение для встреч было необходимо еще вчера, Петр распорядился сделать пристройку к дому Лефорта в виде внушительных размеров залы, на строительство и убранство которой не пожалел казенных денег. Красноречиво описывает интерьер и масштабы залы в своем письме к родственникам некий Сенебье, приходившийся Лефорту дальним родственником: «Его превосходительство выстроил весьма красивую и обширную залу для приема 1500 человек. Она обита великолепными обоями, украшена дорогою скульптурною работою, везде вызолочена и, действительно, может быть названа прекраснейшею Императорскою залою. Наш государь пожаловал ему (Лефорту) пятнадцать больших кусков шелковых тканей, с богатою золотою вышивкою. Помещение так велико и во всех частях исполнено так превосходно, что представляет нечто удивительное. Издержки простираются, говорят, до 14 000 талеров. Меблировка роскошная; много серебряной посуды, оружия, картин, зеркал, ковров, разных украшений – все вещи в высшей степени интересные и многоценные… У генерала большое число прислуги; на конюшне двадцать кровных лошадей; у ворот дома постоянно караул из двенадцати человек».

После столь фееричного описания общую картину архитектурного ансамбля может дополнить лишь письмо самого Лефорта, обращенное к старшему брату Ами: «В саду есть пруды, каких нелегко найти здесь, изобилующие рыбою. За садом, на другой стороне реки, имею я парк, где содержатся различные дикие звери. Рабы и рабыни, которых у меня довольно, все освобождены мною.

Петр I

Словом, мой дом красивейший и приятнейший в целом околотке. Русские приезжают осматривать его как диковинку». Торжественное открытие залы, приуроченное ко дню брако-

сочетания племянницы Лефорта и отъезду государя в Архангельск, отпраздновали шумным застольем с музыкой, танцами, фейерверком и пушечным салютом из 20 мортир. С 30 июня по 3 июля 1693 года праздник гремел на всю Немецкую слободу. В общей сложности в торжественном мероприятии участвовало свыше 200 человек.

В 1691 году милостью государя Петра Алексеевича Франц Лефорт произведен в генерал-лейтенанты.

Через Франца Лефорта Петр вступил в дипломатические сношения с Женевской Республикой, и для своих земляков он стал чуть ли ни национальным героем.

20 декабря 1692 года Женевский сенат направил в адрес обоих государей благодарственное послание за милости и благоволение, коими пользовался их знаменитый земляк, что «соотечественникам дорог столько же по его прекрасным, от природы полученным качествам, сколько по благородству и древности его фамилии. Он брат благородного Ами Лефорта, с отличием занимающего ныне должность синдика или консула в нашем государстве». Петр был весьма польщен прочитанными строками, грело душу, что он не ошибся в выборе товарища. В ответ женевцам он отправил не менее лестное письмо, превозносящее их соплеменника до небес. Итогом подобных реверансов стало очередное воинское звание полного генерала, пожалованное государем Лефорту 29 июня 1693 года.

Этот год был нелегким для всей Швейцарии, повсеместный неурожай грозил голодной зимой. Заручившись благоволением российских царей, Женевский сенат нашел в себе смелость просить Россию о помощи. Петр, не раздумывая, приказал отправить хлеб страждущим. Соблюдая принципы взаимовыручки, царь искренне надеялся на ответную услугу со стороны Женевы. Он неоднократно наставлял Лефорта не терять связь с родными, особенно со старшим братом. Такая отеческая забота преследовала свои интересы. Через Ами Лефорта государь хотел переманить в Россию как можно больше знающих специалистов различного профиля. В перспективе для преобразования государства на европейский лад Петру требовались инженеры, строители, корабельных дел мастера, квалифицированные медики и, конечно же, опытные военные.

Противники России, в свою очередь, занимались дискредитацией, отговаривая европейских специалистов перебираться в «дикие земли, лишенные элементарных основ цивилизации». Панический страх перед Россией во многих западных странах перерастал в настоящую фобию. Подобное обстоятельство сильно огорчало Лефорта, прекрасно осведомленного о причинах многочисленных отказов своих соотечественников.

В переписке со своим зятем Троншеном он обличал причины, препятствовавшие обмену опытом между двумя государствами: «Вероятно, кто-нибудь представил Московию в страшном виде, между тем, благодарение Богу, никогда не бывало здесь так тихо, так хорошо, как теперь; даже иностранцы охотно проживают здесь». В ответ набожный Троншен, женатый на старшей сестре Лефорта, профессор по образованию и пастор кальвинистского прихода по призванию, писал: «Я чрезвычайно радуюсь всякий раз, когда узнаю, что вы продолжаете возвышаться при их царских величествах, и одно из моих пламеннейших желаний есть, чтобы Бог сохранил вам здоровье и милость государей в течение всей вашей жизни, и чтобы, достигнув маститой старости, удела крепких здоровьем людей, вы кончили жизнь, наделенные почестями и богатствами, в уповании на милосердие Бога, и унаследовали блага небесные, пред которыми земные выгоды ничто». Но сына в Москву так и не отправил.

Осенью 1691 года в целях проверки боеспособности своих войск Петр задумал устроить военные маневры в Москве. В смотре принимали участие Преображенский и Семеновские пехотные полки, закаленные в боях профессиональные подразделения стрельцов, а также войска солдатского, гусарского и рейтарского строя.

Генерал Шепелев, назначенный командовать первым отборным полком на левом фланге армии князя Федора Юрьевича Ромодановского, внезапно тяжело заболел. Его место на время

учений занял Франц Лефорт. В реляции государю было отмечено, что «рейтары полка Лефорта долго и храбро сражались с неприятелем». После смерти генерала Шепелева командование первым отборным полком было поручено генералу Лефорту. Подобный неожиданный расклад вызвал большое неудовольствие со стороны генерала Патрика Гордона, считавшего, что этот привилегированный пост должен достаться ему.

Лефорт с полной ответственностью подошел к новому назначению. Получив официальное разрешение у государя, он занял свободный участок на левом берегу Яузы для возведения строевого плаца и 500 домов для своих солдат. Практичность идеи женевца заключалась в том, что здесь военнослужащие проходили обучение военному искусству вблизи постоянного места жительства, а не разъезжались после занятий в разные концы Москвы. Поселение получило название Лефортовской слободы, позднее на этом месте образовалась Лефортовская городская часть. В настоящее время территория, сохранившая историческое имя своего основателя, называется Лефортово.

Осенью 1694 года Петр назначил большие военные учения, фигурирующие в исторических хрониках, как Кожуховский поход (в честь деревни Кожухово, расположенной недалеко от столицы). Предстоящие маневры должны были имитировать осаду укрепленного сооружения. Для этих целей по проекту генерала Гордона близ Кожухово построили крепость. Гарнизон цитадели состоял из 20 тысяч военнослужащих во главе с приверженцем старой школы боярином Иваном Васильевичем Бутурлиным. Командование другим 20-тысячным воинским подразделением поручено князю Ромодановскому, использовавшему европейскую тактику ведения боя. Князь со своим войском должен был захватить крепость, применяя передовые разработки и технологии западных стратегов. Задача Бутурлина заключалась в том, чтобы всеми силами держать оборону и не позволить вымышленному противнику прорваться за крепостные стены.

4 октября 1694 года начался штурм крепости. Волна за волной войска Ромодановского атаковали крепостные стены и захлебывались в пылу сражения, противник яростно сопротивлялся. В конечном итоге ни одна из предпринятых попыток взять крепость с наскока не увенчалась успехом. Лефорт, выступавший на стороне осаждавших, был в отчаянии. Перестроив остатки своего полка, он сам повел солдат в атаку.

Находясь во главе своего войска, он принял первый удар на себя. Один из горшков с горючей смесью угодил ему в правое плечо, опалив лицо и шею. Обугленный парик прилип к голове, а кожа клочьями свисала в местах поражения огнем. Невзирая на сильную боль, женевец не выпал из строя, продолжая вести войска в наступление. Не выдержав мощного натиска, пал первый крепостной равелин. Лефорт лично водрузил на башне полковое знамя. Вслед за первым был взят второй, третий и, наконец, последний укрепленный пункт. Крепость сдалась на милость победителя.

По случаю окончания первого этапа учений в доме у Лефорта состоялся ужин. Все собравшиеся оживленно обсуждали особо выдающиеся моменты сражения, за исключением хозяина дома. Своим внешним видом он нагонял на гостей тоску и уныние. С перемотанной бинтами и пластырем головой он с вымученной гримасой на лице натянуто улыбался, подслеповато щурясь единственным открытым глазом. Даже Петр, скупой от рождения на жалость и нежные чувства, глядя на изможденное лицо товарища, невольно прослезился и прижал его к своей груди.

Несмотря на победу войск Ромодановского, чью сторону он в тайне поддерживал, столь быстрое форсирование событий не входило в планы государя. Посему, было принято решение продлить маневры. На следующий день войска боярина вновь заняли прежние позиции на крепостных стенах, а отряды Ромодановского медленно двинулись на приступ. Крайне тяжелое состояние здоровья не позволило Лефорту принять активное участие в штурме. Большую часть времени он провел в качестве наблюдателя, и лишь под конец учений снова занял место

в строю. Несмотря на яростную оборону, гарнизон Бутурлина вновь потерпел поражение, 17 октября цитадель пала…

Средний срок жизни людей того времени был не слишком длинным. Францу Лефорту повезло с любящей и преданной женой, чего не скажешь о его малолетних детях, в силу различных причин умиравших один за другим. Из девяти (по другим сведениям, одиннадцати) в живых остался лишь один – Андрей (Анри, Генрих). По характеру мальчик походил на отца – такой же доброжелательный, веселый и смекалистый. Он был единственным ребенком, которого допускали к царевичу Алексею Петровичу. Мальчика ожидали фантастические перспективы и блестящая карьера, если бы не религиозные препоны, чинимые отцом. Ревностный кальвинист мечтал воспитывать сына в традиционной религиозной атмосфере. Жена Лефорта, убежденная католичка, могла перетянуть сына на свою сторону, исказив его мировоззрение сквозь призму католических догматов. Восьмилетний мальчик, не определившийся с выбором вероисповедания, в семейном кругу находился как между молотом и наковальней, что не могло ни отразиться на неокрепшей детской психике. Решение за всех принял отец, отправив сына в Женеву в сопровождении гувернера Штрака. По мнению Франца Яковлевича, на родине предков Анри должны были указать «истинно правильный» путь – беззаветное служение идеалам Кальвинистской церкви.

Противостояние религиозных конфессий для Лефорта стало личной драмой. Письмо к брату, написанное 4 июля 1694 года в Архангельске, можно воспринимать как исповедь, как раскаяние за незаслуженно полученные блага: «Хотя вся страна и все различные национальности уважают меня, однако я не дозволяю усыплять себя такою славою; напротив, стремлюсь постоянно к тому, чтобы доказать мое усердие, привлечь верных подданных. Одним словом, прошу вас верить, что благодать Бога со мною, и, хотя я неоднократно оскорблял Его, но она неисчерпаема, и я употреблю всевозможные усилия никогда не забывать Его благодеяний. В особенности прошу вас верить моей беспредельной преданности, зная положительно, что вы принимаете участие во всем, что меня касается, и что преднамеренно я не сделаю ничего предосудительного в такое время, когда Бог ниспослал на меня свои милости, и когда честь требует твердо пребывать в благодати Божией. Никто и никогда не достигал подобных милостей, и ни один иноземец не мечтал о них. Сознаюсь, все эти милости необычайны; я не заслужил их; я не воображал в столь короткое время составить мое счастье, но так было угодно Богу…».

Петр Алексеевич с пониманием отнесся к выбору друга, выдав сыну Лефорта 6000 червонцев на дорогу и повелев строго указать воеводам тех мест, где предстояло проследовать картежу, оказывать всевозможные почести ездокам и по первому требованию снабжать их провиантом, фуражом и свежими лошадьми. Помимо прочего, царь вручил Анри письмо к амстердамскому бургомистру Витсену «с приложением к оному (письму) своего портрета в золоченой раме, усыпанной драгоценными каменьями», ранее предназначавшегося в подарок Францу Лефорту. В Женевский сенат государь передал грамоту с пояснениями: «Мы отпустили из наших владений Андрея Лефорта, сына генерала, дабы он отправился в вашу республику и в вашу академию, повидаться со своими родными, образовать сердце и ум и получить такое воспитание, которое дало бы ему возможность отличиться в политике, в военном искусстве и во всех свободных художествах». Дабы задобрить родственников Анри Лефорта, царь послал им куньи и собольи меха, серебряную посуду и много мелких ювелирных безделиц. Благодаря такой высокой протекции мальчик был повсеместно принят с должным уважением и подобающими почестями.

Царь всецело доверял Францу Лефорту, поэтому все приготовления к отъезду в Азов он поручил именно ему. В начале июля 1695 года российские войска подошли к Азову. Полк Лефорта расположился на левом фланге по направлению к Дону, перекрыв пути, ведущие к крепости. Это была единственная сухопутная артерия, по которой в крепость доставля-

лись провиант и оружие. В тылу у генерала сосредоточилась турецкая конница, обеспечивавшая постоянную связь гарнизона цитадели с большой землей. Первостепенной задачей войск Лефорта была постройка линии укреплений, блокировавшей все подступы к османской твердыни.

К выполнению поставленной задачи Лефорт подошел в высшей степени добросовестно. Через непродолжительное время вверенный ему участок местности превратился в неприступный укрепрайон, усеянный окопами, редутами, различными секретами и прочими объектами инженерной системы обороны. Дополнительно возвели 2 артиллерийские батареи, оснащенные 12 большими 36-фунтовыми пушками и 25 мортирами. Для ирригационных целей был прорыт глубокий ров в сторону реки. Положение усугублялось тем, что плацдарм, занятый войсками генерала Лефорта, находился на открытой местности в зоне досягаемости вражеских снарядов. Высокое воинское звание и зрелый возраст никогда не мешали женевцу, служившему примером для своих солдат и офицеров, находиться в самой гуще сражения. При штурме турецкой цитадели под ливнем пуль, средь полыхающих обломков деревянных укреплений генерал Лефорт лично завладел пурпурным знаменем османов.

Из-за наступивших холодов Петр решил снять осаду крепости и вернуться в Москву. По возвращении из Азова царь назначил Лефорта адмиралом Российского флота. Франц Яковлевич мало разбирался в морском деле, хотя царя это едва ли волновало. Для него важнейшими критериями достойного претендента на ту или иную должность были исполнительность, добросовестность, честность и ум. Лефорт в достаточной степени обладал всеми необходимыми качествами.

Жизнь человеческая полна сюрпризов и соткана из парадоксов. При штурме Азова генерал не получил ни одного серьезного ранения. Но, возвращаясь в Москву, в степи он случайно упал с лошади, получив сильный ушиб, последствия которого создавали ему немалые проблемы до конца жизни.

Подготовка ко второй Азовской кампании шла полным ходом. Для этого Петру потребовалось выехать в Воронеж, где была сосредоточена большая часть сил и вооружения, необходимых для новой экспедиции. Отправиться в путь вместе с государем Лефорту не позволила та самая травма, место ушиба увеличилось в размерах и загноилось. Высокая температура, лихорадка и сильные боли задержали женевца в Москве до весны. Выехать в пункт назначения он смог лишь 31 марта 1696 года, когда болезнь немного отступила. В Азов адмирал прибыл 21 мая, а военный флот в полном составе подтянулся к концу июня. 2-й Азовский поход продлился недолго. Как только российские корабли показались из-за горизонта, турецкая эскадра на всех парусах покинула гавань, оставив цитадель без защиты с моря. Во второй половине июля 1696 года крепость капитулировала.

Петр приписывал победу в большей степени флоту и его главнокомандующему адмиралу Лефорту. Отпраздновав викторию, направились домой. Болезнь вновь дала о себе знать по дороге в Воронеж. Боль стала такой невыносимой, что ехать на трясущейся коляске Лефорт не мог. Пришлось добираться в Воронеж на корабле по Дону. В Москву больного женевца доставили на санях. 30 сентября 1696 года победоносная армия Петра I подошла к Москве. Каменный мост через Москву-реку украсили триумфальной аркой, инкрустированной аллегорическими барельефами и военными эмблемами. Франц Лефорт в сопровождении почетного караула восседал в царских, сияющих позолотой, санях. Шестерка породистых лошадей из государевых конюшен, изящно гарцуя, легко тянули за собой громоздкую конструкцию. Следом шествовали войска морской пехоты во главе с Петром Алексеевичем, облаченным в простой мундир флотского капитана. Парадная колонна чинно продвигалась в сторону Немецкой слободы в течение целого дня. По сложившейся традиции праздновали у Лефорта. За участие в Азовских походах, проявленный героизм и отличные знания тактики ведения боя генералу Францу Яковлевичу Лефорту пожалован титул наместника новгородского и вотчины в Епи-

фанском и Рязанском уездах. Помимо прочего, награжден золотой медалью, собольей шубой, куском золотой парчи и большим вызолоченным бокалом с вензелем государя.

Петр давно вынашивал идею инкогнито посетить европейские страны, чтобы, не привлекая излишнего внимания, увидеть жизнь извне, без прикрас. Другим стимулом стало обучение мореплаванию и кораблестроению у заморских мастеров. Так зародилась концепция Великого посольства, состав которого утвердили в начале марта 1696 года.

Во главе был поставлен Франц Лефорт, вторым послом царь назначил Федора Алексеевича Головина, третьим – думного боярина Прокопия Богдановича Возницына, всего набралось около 250 человек. Государь отправился в путешествие под видом десятника Петра Михайлова. В миссии принимал участие племянник Лефорта – Петр, исполнявший обязанности секретаря миссии.

Из Москвы посольство двинулось в Ригу, оттуда – в Митаву, где у Лефорта состоялась аудиенция с давним знакомым – герцогом Курляндским Фридрихом-Казимиром. Закончив с делами, российская миссия отправилась в Кенигсберг. Здесь состоялась важная встреча Петра I с курфюрстом бранденбургским Фридрихом III. В результате был заключен договор между Россией и Пруссией против Турции. Также стороны договорились приложить усилия, чтобы не позволить французскому принцу вступить на польский престол. Действовали по старой отлаженной схеме – Петр Алексеевич задавал тон встречи и определял ключевые вопросы, а исполнителем выступал Франц Лефорт.

Далее путь посольства лежал через Пиллау в Голландию. В Амстердаме Лефорт встретился со старыми знакомыми, в задушевной беседе придавались приятным воспоминаниям. В сентябре 1696 года посольство прибыло в Гаагу, 22 сентября в городском зале собрались представители Генеральных штатов Нидерландов. После того как российские послы в дань уважения преподнесли подарки, перед собравшимися выступил Лефорт и передал грамоту от государя. Вслед за ним на кафедру взошел Головин и в общих чертах объяснил цель организации посольства. Параллельно со встречей в Гааге проходил Съезд представителей европейских государств в Рейсвике. Основной темой было поддержание мира между участвовавшими в форуме странами. Российские представители поддержали данную инициативу, но внесли ряд корректив, настаивая на создании союза против Турции и пересмотре основных принципов престолонаследия в Польше.

Ф.А. Головин

Ежедневно, исполняя те или иные распоряжения царя, Лефорт оказался на грани нервного истощения. Бесконечные дипломатические переговоры, хроническая прогрессирующая бессонница закономерно сказывались на его пошатнувшемся здоровье.

Один из старых приятелей женевца, наблюдавший его в те дни, заметил серьезные перемены как во внешнем виде Лефорта, так и в его поведении: «Удивляюсь, как генерал выдерживает (образ жизни в Гааге), при малом отдохновении и при тех непрестанных затруднениях, с которыми он должен бороться. Он служит предметом удивления всей страны, и о нем отзываются с подобающим его сану уважением».

30 сентября 1696 года, после подписания договоров о мире в Рейсвике, посольство вернулось в Амстердам. Выполнив основную задачу, можно было заняться реализацией дополнительных целей. Петр с несколькими подручными целыми днями пропадал на верфи, зани-

маясь постройкой корабля. Лефорт продолжал неукоснительно выполнять все распоряжения государя – вел оживленную переписку с дипломатами других стран, занимался вербовкой иностранцев для службы в России, закатывал (по приказу царя!) пышные пиры для нужных высокопоставленных особ, и лишь то немногое время, которое оставалось у него свободным, он проводил с друзьями. Лефорт никогда не делал поблажек ни для себя, ни для единственного сына. Беседуя с племянником, он не раз касался вопросов воспитания на примере собственного сына: «Я искал своего счастья: пусть и сын поищет своего… Я постараюсь научить его всему, что пригодится в жизни, а там пусть сам позаботится о себе».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.